

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Контракт на Любовь

Фиктивный
брак.
Настоящие
чувства?

КОНТРАКТ

Александра Ветрова

Контракт на любовь

<https://litres.ru/74461884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — журналистка, которая однажды разрушила его репутацию. Он — миллиардер, который поклялся её уничтожить. Но когда семейный совет ставит ему ультиматум: жениться до тридцати пяти или потерять контроль над компанией, идеальной кандидаткой оказывается именно она.

Три месяца фиктивных отношений. Один контракт. Никаких поцелуев вне камер. Всё просто, как бизнес-сделка. Вот только ненависть, которая кипела между ними годами, начинает подозрительно напоминать желание. А желание — на что-то гораздо большее.

Содержание

Глава 1. Сделка с дьяволом	4
Глава 2. Правила игры	11
Глава 3. Игра на публику	17
Глава 4. Тени прошлого	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александра Ветрова

Контракт на любовь

Глава 1. Сделка с дьяволом

Дождь бил в панорамные окна пентхауса с такой яростью, словно сама природа пыталась предупредить Веру об ошибке, которую она собиралась совершить. Каждая капля, разбивающаяся о стекло, казалась ей ударом молотка по крышке гроба, в котором она добровольно хоронила свою гордость. Она сидела в кожаном кресле, таком глубоком и мягком, что оно больше походило на капкан, и смотрела на свои руки. Пальцы, привыкшие к перу и клавиатуре, сейчас мелко дрожали, и она спрятала их в карманы простого шерстяного пальто, чувствуя себя здесь чужеродным элементом, случайно попавшим в стерильный, идеально отлаженный механизм.

За столом из чёрного дерева, огромным, как взлётная полоса, сидел Адриан Барсов. Он не смотрел на неё. Он изучал какие-то документы, и его лицо, резкое и красивое, словно высеченное из мрамора, не выражало абсолютно ничего. Вера знала это лицо. Три года назад она видела его на обложках журналов и в новостных лентах — лицо человека, чья империя пошатнулась из-за одной её статьи. Тогда, в двадцать

пять, она была одержима идеей справедливости, и её слова были скальпелем, вскрывшим нарыв коррупции в его строительном холдинге. Она выиграла ту битву, получила премию и... потеряла почти всё. Теперь, в двадцать восемь, она сидела напротив него, и на кону стояла жизнь её отца.

— Я не люблю ждать, — произнёс он, наконец поднимая голову. Голос у него был низкий, с бархатной хрипотцой, которая, вероятно, заставляла трепетать сотни женщин. На Веру он действовал как наждачная бумага по оголённым нервам. — И я не люблю, когда меня заставляют делать то, чего я не хочу.

— Взаимно, — ответила она, и собственный голос показался ей чужим. Слишком тихим, слишком слабым. — Но, судя по вашему предложению, господин Барсов, у нас с вами сейчас общая проблема.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. Только холод и презрение.

— Проблема? — переспросил он, откидываясь на спинку кресла. — Моя проблема в том, что мой совет директоров, состоящий из старых маразматиков, решил, что для стабильности компании мне необходима... жена. Идеальная, безупречная, с чистым лицом и незапятнанной репутацией. Своего рода аксессуар. А вы, Вера, — он произнёс её имя так, будто оно было ругательством, — оказались единственной, кто подходит под их дурацкие критерии. Журналистка с принципами. Ирония, не находите?

Вера сглотнула. Ирония была жестокой. Она, которая когда-то разоблачила его, теперь должна была стать его спасением. Спасительным кругом, брошенным утопающему, которого она сама же и столкнула в воду.

— Ваш помощник изложил условия, — сказала она, стараясь не отводить взгляда. — Три месяца. Публичные appearances, интервью, совместные выходы в свет. Роль любящей невесты. Никаких... физических контактов вне камер.

— Никаких поцелуев, — подтвердил он, и его взгляд скользнул по её губам. Быстро, почти незаметно, но Вера почувствовала это, как прикосновение. — И тем более, ничего большего. Контракт — это бизнес, Вера. И я не смешиваю бизнес с... грязью.

Она вспыхнула. Гнев обжёг щёки, и на секунду ей захотелось встать и уйти. Хлопнуть дверью, оставив его одного со его деньгами и его высокомерием. Но перед глазами тут же возникло лицо отца — серое, измождённое, с трубками в носу. Диагноз, который звучал как приговор, и счёт из клиники, который был равен годовой зарплате главного редактора. Адриан Барсов предлагал ей в десять раз больше. За три месяца лжи.

— Почему я? — спросила она, и голос всё-таки дрогнул. — У вас есть миллионы женщин, которые согласятся на эту роль за одни только деньги. Модели, актрисы, дочери банкиров. Зачем вам я?

Адриан встал. Он был высокий, широкоплечий, и дорогой костюм сидел на нём так идеально, что казался продолжением его тела. Он подошёл к окну, повернувшись к ней спиной, и Вера увидела его отражение в тёмном стекле — напряжённые плечи, сжатые кулаки.

— Потому что совет директоров хочет видеть рядом со мной не пустышку, — ответил он глухо. — Им нужна история. Красивая сказка о том, как два заклятых врага нашли друг друга. Как прощение и любовь победили ненависть. Это... пиар-ход, который они оценят. А вы, с вашим талантом писать душещипательные истории и вашим ангельским личиком, — он обернулся, и их взгляды встретились в отражении, — идеальный материал для этой сказки.

— Вы используете меня, — констатировала она.

— А вы используете меня, — парировал он, садясь обратно. — Не надо строить из себя жертву, Вера. Я знаю, зачем вы здесь. Ваш отец. Клиника в Германии. Счёт, который вы не потянете даже за десять лет работы. Так что давайте не будем разыгрывать благородное негодование. Мы оба — продажные твари в этой истории. Просто у нас разные цены.

Он был прав. И это было самым унижительным. Вера глубоко вздохнула, собирая остатки самообладания, как осколки разбитого стекла.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Я согласна. Но я хочу внести пункт в контракт.

Адриан приподнял бровь. В его глазах мелькнуло что-то

похожее на любопытство. Или на азарт хищника, заметившего, что жертва начала сопротивляться.

— Какой же?

— Никаких интервью о моей личной жизни, — твёрдо сказала Вера. — Никаких журналистов в моей квартире, никаких вопросов о моей семье. Моя жизнь остаётся моей. Я играю роль, но не отдаю вам себя. Никаких звонков после полуночи, никаких сообщений с требованиями приехать. Мы встречаемся только по работе. Только там, где есть камеры.

Он смотрел на неё долго, и Вера вдруг почувствовала себя бабочкой, наколотой на булавку. Изучаемой. Оцениваемой.

— Договорились, — сказал он наконец, и на его губах появилась тень улыбки. — Но у меня тоже есть условие. Вы будете делать всё, что я скажу, на публике. Улыбаться, когда я скажу. Смеяться над моими шутками, если это будет необходимо. Держать меня за руку, когда того потребуют обстоятельства. Вы будете играть свою роль идеально, Вера. Потому что если вы хоть раз ошибётесь... — он подался вперёд, и его голос стал тихим, почти шёпотом, — если вы хоть раз выставите меня дураком, я уничтожу вас. Не только вас, но и вашего отца. Я найду способ. У меня достаточно денег и связей, чтобы превратить вашу жизнь в ад.

Вера сжала кулаки в карманах, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Она ненавидела его. Ненавидела всей душой, всем сердцем, каждой клеточкой своего тела. Но где-то глубоко, на самом дне этого жгучего, как кислота, чувства, она

ощущала что-то ещё. Что-то опасное и тёмное, что-то, что заставляло её сердце биться быстрее. Влечение. Примитивное, животное влечение к его силе, к его власти, к его опасно-красивому лицу.

Она прогнала эту мысль. Задавила её, как назойливую муху. Это была просто физиология. Стокгольмский синдром в чистом виде.

— Я поняла, — сказала она, поднимаясь. — Где мне подписать?

Он кивнул на стопку бумаг на столе.

— Помощник подготовил. Можете изучить.

Вера подошла к столу. Контракт был толстым, страниц на двадцать. Она взяла ручку — тяжёлую, холодную, с золотым пером — и, не читая, поставила свою подпись внизу каждой страницы. Ей было плевать на детали. Она уже продала свою душу. Какая разница, в какой форме это было оформлено?

Когда она закончила, Адриан встал и подошёл к ней. Он был так близко, что она чувствовала запах его одеколона — сандал, кедр и что-то ещё, неуловимо-мужское, что заставляло её голову кружиться. Он взял контракт, пролистал его, проверяя подписи, и остался доволен.

— Отлично, — сказал он, кладя документ обратно на стол. — Первое совместное появление — послезавтра. Благотворительный гала-вечер в отеле «Метрополь». Я пришлю вам платье и украшения. И, Вера... — он наклонился, и его губы оказались почти у самого её уха. Она почувствовала его

тёплое дыхание на своей коже, и по спине пробежал табун мурашек. — Постарайтесь выглядеть так, будто вы меня любите. Иначе весь этот цирк не будет стоить ни копейки.

Она отшатнулась, будто её ударили. В глазах защипало от слёз — от унижения, от злости, от безысходности. Она схватила свою сумку и, не попрощавшись, бросилась к двери. Ей нужно было уйти. Немедленно. Пока она не сделала что-то, о чём пожалеет. Например, не ударила его. Или не поцеловала.

— До встречи, Вера, — услышала она его голос, когда дверь уже закрывалась за ней. — И не забудьте: улыбайтесь. Вы теперь — моя невеста.

Выйдя на улицу, она прислонилась к холодной стене здания и разрыдалась. Дождь смешивался со слезами, и она не знала, где заканчивается вода и начинается её горе. Она продала себя. Продала свою ненависть. Продала свою гордость. И всё ради денег.

Но где-то в глубине души, в самом тёмном и потаённом уголке, куда она боялась заглядывать, билось что-то живое. Что-то, что шептало: «А может, это не только сделка? Может, это начало?»

Она заставила себя замолчать. Это был просто дождь. Просто холод. Просто усталость.

Но она знала, что это была ложь. И она боялась того момента, когда ложь перестанет быть ложью.

Глава 2. Правила игры

Утро встретило Веру серым, промозглым светом, который сочился сквозь неплотно задёрнутые шторы её маленькой съёмной квартиры на окраине Москвы. Она лежала на диване, укрывшись старым пледом, и смотрела в потолок, где расплывалось пятно от протечки, похожее на карту неизвестного острова. Голова гудела после бессонной ночи, а в горле стоял комок, который она безуспешно пыталась проглотить с чашкой крепкого кофе. Телефон на журнальном столике мигнул — сообщение от главного редактора: «Вера, ты уверена? Если это утка, я тебя лично уволю». Она не ответила. Что она могла сказать? Что продала свою независимость за деньги? Что теперь она — невеста человека, которого три года назад публично назвала «безжалостным хищником, пожирающим всё на своём пути»?

Она встала, подошла к окну и посмотрела на двор. Дети играли в песочнице, старушка выгуливала болонку, дворник лениво скрёб асфальт лопатой. Обычная жизнь. Жизнь, которая теперь казалась ей чужой, как старая фотография, выцветшая и потерявшая цвет. Вчера она подписала контракт. Сегодня она должна была начать играть роль.

Телефон снова пиликнул. Незнакомый номер. Сухое, лаконичное сообщение: «Платье доставят к трём. Будьте готовы к шести. Машина будет ждать у подъезда. А.Б.»

Она усмехнулась. Даже в сообщении он умудрился быть высокомерным. «Будьте готовы». Как будто она была вещью, которую нужно подготовить к использованию. Вера бросила телефон на диван и пошла в ванную. Горячая вода немного смыла напряжение, но не смогла смыть чувство грязи, которое, казалось, въелось в кожу. Она стояла под струями, закрыв глаза, и пыталась убедить себя, что всё это — просто работа. Как статья, которую нужно написать. Как интервью, которое нужно взять. Она наденет маску, улыбнётся, скажет нужные слова — и вернётся домой. Три месяца. Всего три месяца.

Ровно в три в дверь позвонили. Курьер в униформе протянул ей огромную коробку, перевязанную атласной лентой, и удалился, не сказав ни слова. Вера внесла коробку в комнату и открыла. Внутри, на облаке папиросной бумаги, лежало платье. Тёмно-изумрудное, из плотного шёлка, с открытой спиной и глубоким, но благородным вырезом. Оно было красивым. Очень красивым. И очень дорогим. Вера провела пальцами по ткани, чувствуя её прохладную гладкость, и подумала о том, сколько таких платьев можно было бы купить на деньги, которые она получит за эту сделку. Много. Достаточно, чтобы забыть о стыде.

Рядом с платьем лежала бархатная коробочка. Внутри — серьги с изумрудами, которые идеально подходили к цвету ткани. И тонкая золотая цепочка с подвеской в виде капли. Вера приложила серьги к ушам и посмотрела на себя в зер-

кало. Незнакомая женщина смотрела на неё оттуда. Женщина, которая выглядела так, будто принадлежала к тому миру — миру роскоши, миру власти, миру Адриана Барсова. Она сняла серьги и положила их обратно в коробку. Ещё не время. Ещё не время становиться ею.

К шести она была готова. Платье сидело идеально, будто его шили специально по её меркам — и Вера с неприятным удивлением поняла, что, скорее всего, так и было. Он знал её размеры. Он знал всё. Она нанесла минимум макияжа, собрала волосы в низкий пучок и надела туфли на невысоком каблуке, которые нашла в той же коробке. В зеркале отражалась элегантная, холодная женщина. Не Вера. Кто-то другой. Кто-то, кто умел улыбаться, когда хотелось кричать.

Машина ждала у подъезда — чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами. Водитель, пожилой мужчина с непроницаемым лицом, открыл перед ней заднюю дверь. Вера села, и машина бесшумно тронулась. В салоне пахло кожей и дорогим парфюмом. На сиденье рядом лежал конверт. Она открыла его. Внутри — листок бумаги с печатным текстом. «Легенда. Мы познакомились на благотворительном аукционе полгода назад. Вы писали статью о детских домах, я был спонсором. Искра пробежала сразу. Мы тайно встречались, чтобы не привлекать внимания. Теперь решили выйти из тени. Ваши интересы: классическая литература, фотография, благотворительность. Мои: яхты, горные лыжи, инвестиции. Общих интересов нет — это нормально, противоположно-

сти притягиваются. Ваша любимая фраза: Иногда судьба даёт второй шанс. Моя: Я не верю в случайности. Если спросят о свадьбе — отвечайте уклончиво, но с улыбкой. Помните: вы влюблены. Влюблены до безумия. А.Б.»

Вера перечитала текст трижды, запоминая каждую деталь. Легенда была продумана до мелочей. Как и всё, что делал Адриан Барсов. Она сложила листок и убрала его в сумочку. Сердце билось ровно, но где-то под рёбрами свернулось холодное, тяжёлое чувство. Это было похоже на страх. Или на предвкушение. Она не могла понять, что именно.

Отель «Метрополь» сиял огнями, как драгоценный камень, вправленный в оправу ночного города. Красная ковровая дорожка, вспышки фотокамер, толпа журналистов, жаждущих сенсации. Вера вышла из машины, и на секунду у неё подкосились ноги. Слишком много людей. Слишком много глаз. Слишком много вопросов, которые вот-вот посыплются на неё, как град.

А потом она увидела его.

Адриан стоял у входа, и чёрный смокинг сидел на нём так, будто был сшит из тьмы. Он смотрел на неё, и в его глазах не было ни тепла, ни приветливости. Только холодная, оценивающая пустота. Он подошёл, взял её под руку — крепко, чуть сильнее, чем нужно, — и наклонился к её уху.

— Улыбайтесь, — прошептал он. — И не вздумайте сбегать.

Вера подняла голову. И улыбнулась. Широко, тепло, ис-

крenne — так, как улыбаются женщины, которые действительно любят. Она вложила в эту улыбку всё своё актёрское мастерство, всю свою ненависть, всю свою боль. И Адриан, увидев это, на мгновение замер. Что-то мелькнуло в его лице — удивление? восхищение? — но тут же исчезло, сменившись привычной маской холодной отстранённости.

— Идём, — сказал он, и они шагнули в свет вспышек.

Толпа журналистов взорвалась криками. «Адриан! Кто эта девушка?» «Это правда, что вы помолвлены?» «Вера, как вы познакомились?» «Адриан, это та самая журналистка, которая писала о вас разоблачительную статью?» Вера чувствовала, как рука Адриана напряглась под её пальцами. Она повернула голову и посмотрела на него. И в этот момент что-то произошло. Что-то, чего она не ожидала.

Он посмотрел на неё. Не как на аксессуар. Не как на инструмент. Он посмотрел на неё так, будто она была единственным человеком в этом зале, будто весь остальной мир перестал существовать. И Вера, к своему ужасу, почувствовала, что тонет в этом взгляде. Что её собственное сердце, предательски громкое, отзывается на этот взгляд.

— Да, — сказал Адриан, и его голос прозвучал громко и уверенно. — Это Вера. Моя невеста. И я счастлив, что она согласилась стать моей женой.

Он сказал это так, будто это было правдой. Будто они действительно были влюблены. И Вера, стоя рядом с ним, чувствуя тепло его руки, вдруг поняла, что не может отличить

ложь от правды. И это пугало её больше всего.

Глава 3. Игра на публику

Гала-вечер тянулся бесконечно, как плохой сон, в котором ты пытаешься бежать, но ноги увязают в песке. Вера улыбалась, кивала, пожимала чьи-то руки — холодные, влажные, чужие, — и чувствовала, как маска прирастает к лицу, становясь второй кожей. Адриан держал её под руку, и его ладонь, лежащая на её обнажённой спине, казалась раскалённым железом. Каждое прикосновение прожигало насквозь, оставляло след, который она потом будет долго и безуспешно пытаться смыть.

— Вы прекрасно выглядите, Вера, — сказала пожилая дама в бриллиантах, жена какого-то банкира, чьё имя Вера тут же забыла. — Адриан, вам несказанно повезло. Такая скромная, умная девушка. Не то что эти... — дама неопределённо махнула рукой в сторону группы моделей, щебечущих у бара.

— Я знаю, — ответил Адриан, и его голос был мягким, как бархат. Он повернулся к Вере, и в его глазах промелькнуло что-то тёплое. Или это была игра света? — Вера — моё сокровище. Я долго искал её. И, найдя, не собираюсь отпускать.

Вера почувствовала, как его рука скользнула ниже, к талии, прижимая её ближе. Она заставила себя улыбнуться и опустить ресницы, изображая смущение. Внутри же всё ки-

пело. Он играл безупречно. Слишком безупречно. Откуда в этом холодном, безжалостном человеке столько нежности? Неужели это тоже было частью контракта?

Когда они отошли от дамы, Вера прошептала, не разжимая улыбки:

— Вы переигрываете.

— Я играю так, как нужно, — ответил он так же тихо, наклоняясь к её уху, будто делился секретом. — И вы играете. Только не забывайте, кто здесь режиссёр.

Она хотела ответить что-то колкое, но к ним уже подходил очередной гость — мужчина с хищным лицом и цепким взглядом. Вера узнала его. Это был один из тех, кого она упоминала в своей статье. Один из тех, кто пострадал. Он смотрел на неё с плохо скрываемой ненавистью.

— Адриан, — процедил он, игнорируя Веру. — Не думал, что ты приведёшь сюда... её.

— Виктор, — холодно ответил Адриан, и в его голосе зазвенела сталь. — Вера — моя невеста. И я ожидаю, что ты будешь обращаться с ней с уважением. Или, по крайней мере, с вежливостью. Ради нашего... общего прошлого.

Виктор скривился, но отступил. Бросил на Веру ещё один взгляд, полный презрения, и растворился в толпе. Вера выдохнула, даже не заметив, что задержала дыхание.

— Спасибо, — сказала она тихо, не глядя на Адриана.

— Не благодарите, — ответил он, и его голос снова стал ледяным. — Я защищаю свою инвестицию. Ничего больше.

Инвестицию. Вот кем она была. Вложением, которое должно было принести дивиденды. Вера сжала зубы, чтобы не сказать что-нибудь резкое. Вокруг были люди, камеры, улыбки. Нельзя было срываться. Нельзя было показывать, что между ними что-то не так.

Вечер продолжался. Вера танцевала с Адрианом — медленный танец, во время которого он держал её так близко, что она чувствовала биение его сердца. Оно было ровным. Спокойным. Как у человека, который полностью контролировал ситуацию. Её собственное сердце, напротив, билось как пойманная птица, и она ненавидела себя за это.

— Вы дрожите, — заметил он, и в его голосе прозвучала насмешка. — Бойтесь меня?

— Ненавижу, — ответила она, поднимая на него глаза. — Вас. Всю эту ситуацию. Себя. Но больше всего — то, что вы заставляете меня чувствовать.

Он приподнял бровь.

— И что же я заставляю вас чувствовать, Вера?

Она молчала. Не могла сказать. Не хотела признаваться даже самой себе. Но его взгляд, тёмный и пристальный, будто читал её мысли. Будто знал ответ. И от этого становилось ещё страшнее.

— Отпустите меня, — прошептала она. — Пожалуйста. Мне нужно... подышать.

Он разжал руки, и Вера, пробормотав извинение, почти выбежала с террасы. Ночной воздух ударил в лицо, холодный

и свежий, и она жадно вдохнула его, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Внизу шумел город, равнодушный и вечный, и Вера на секунду закрыла глаза, представляя, что она где-то далеко. Не здесь. Не в этом платье. Не с этим человеком.

— Уже уходите?

Голос раздался за спиной. Она обернулась. Адриан стоял в дверях террасы, и свет из зала очерчивал его силуэт, делая его похожим на ангела тьмы.

— Нет, — соврала она. — Просто... душно.

Он подошёл, встал рядом, облокотившись на перила. Некоторое время они молчали, глядя на город. Это было странно — стоять с ним рядом, не играя, не притворяясь. Просто молчать. Вера чувствовала его присутствие каждой клеткой, но не могла заставить себя отойти. И это было опаснее всего.

— Зачем вам это? — спросила она наконец. — Деньги, власть... Вы могли бы найти другой способ. Почему вы согласились на ультиматум совета?

Адриан долго не отвечал. Он смотрел вниз, на огни машин, на людской муравейник, и его лицо в полутьме казалось усталым. Впервые за всё время Вера увидела в нём что-то человеческое. Что-то живое.

— Потому что это моя компания, — сказал он тихо. — Я построил её с нуля. Я вложил в неё всё. Свою жизнь, своё время, своё... — он запнулся, — своё сердце, если хотите.

И я не позволю кучке стариков отнять у меня то, что принадлежит мне по праву. Даже если для этого мне придётся жениться на женщине, которую я... — он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень, — ...которая меня когда-то предала.

Вера вздрогнула.

— Я не предавала вас, — сказала она, и голос её задрожал. — Я писала правду. Ваша компания загрязняла реку. Люди болели. Дети умирали. Я не могла молчать.

— Вы уничтожили мою репутацию, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучала настоящая боль. — Вы не разобрались. Не дала мне шанса объяснить. Вы просто... вынесла приговор. И казнила. Без суда и следствия.

— А вы? — Вера повернулась к нему, и слёзы, которые она так долго сдерживала, наконец хлынули из глаз. — Вы когда-нибудь думали о том, что я чувствовала? Я была молодой, наивной, я верила, что делаю правое дело. А вы... вы просто отмахнулись. Как от назойливой мухи. Даже не попытались поговорить.

Он молчал. Смотрел на неё, и в его взгляде было что-то новое. Что-то, что заставило её сердце сжаться.

— Может, — сказал он наконец, и голос его был хриплым, — мы оба были неправы.

Он поднял руку и, прежде чем Вера успела отшатнуться, стёр большим пальцем слезу с её щеки. Прикосновение было лёгким, почти невесомым. Но оно обожгло её, как огонь.

— У нас контракт, — прошептала она, чувствуя, как воздух между ними наэлектризовался.

— Я знаю, — ответил он, и его взгляд упал на её губы. — Никаких поцелуев вне камер. Я помню.

Но он не отстранился. И она не отстранилась. Они стояли так близко, что дыхания смешивались, и Вера чувствовала запах его одеколона, смешанный с запахом ночи. Сердце колотилось где-то в горле, и она не знала, чего хочет больше — убежать или остаться.

— Нам нужно вернуться, — сказала она, но голос прозвучал неубедительно.

— Нужно, — согласился он, но не двинулся с места.

Где-то в зале заиграла музыка, приглушённая и далёкая. Вера слышала её как сквозь вату. Весь мир сузился до этого момента, до этого человека, до этого расстояния между ними, которое сокращалось с каждой секундой.

А потом он поцеловал её.

Не так, как целуют на публику — демонстративно, для камер, для галочки. Он поцеловал её так, будто она была единственной женщиной на земле. Глубоко, отчаянно, с голодом, который копился годами. И Вера, к своему стыду и ужасу, ответила. Она целовала его в ответ, забыв о контракте, о правилах, о ненависти. Забыв обо всём.

Когда они отстранились, оба дышали тяжело. Адриан смотрел на неё, и в его глазах бушевало что-то тёмное, неукротимое. Что-то, что пугало и притягивало одновременно.

но.

— Это было ошибкой, — сказала Вера, отступая на шаг.
— Мы не должны...

— Знаю, — перебил он, проводя рукой по волосам. —
Забудьте. Считайте, что этого не было.

— Как я могу забыть? — прошептала она, и в её голосе
звучала боль. — Вы... вы целовали меня так, будто...

— Будто что? — он шагнул к ней, и Вера упёрлась спиной
в перила. Отступить было некуда.

— Будто я вам небезразлична, — выдохнула она.

Он замер. Долго смотрел на неё, и в его глазах боролись
противоречия. Потом отступил, и маска вернулась на место
— холодная, непроницаемая.

— Это была игра, Вера, — сказал он ровно. — Просто
игра. Не придавайте этому значения.

Он повернулся и ушёл, оставив её одну на террасе. Вера
стояла, прижав пальцы к губам, которые всё ещё горели от
его поцелуя. И где-то глубоко внутри неё что-то сломалось.
Что-то, что она так старательно выстраивала — стену между
ними, стену ненависти и презрения. Эта стена дала трещину.
И Вера боялась, что скоро она рухнет.

Глава 4. Тени прошлого

Прошло три дня. Три дня, в течение которых Вера старательно убеждала себя, что поцелуй на террасе был досадной случайностью, выбросом адреналина, помутнением рассудка. Она говорила себе это утром, глядя на своё отражение в зеркале; повторяла днём, механически набирая текст статьи, которую должна была сдать через неделю; шептала ночью, лёжа в темноте и чувствуя, как губы снова и снова вспоминают прикосновение его губ. Это не помогло. Ни капли.

Она избегала его. Не отвечала на сообщения, которые приходили от его помощника — сухие, деловые, с расписанием следующих мероприятий. Откладывала звонки. Придумывала отговорки. И каждый раз, когда телефон мигал именем «А.Б.», сердце начинало биться быстрее, а ладони становились влажными. Она ненавидела себя за это. Ненавидела его. Ненавидела весь мир, который вдруг стал слишком сложным и запутанным.

На четвёртый день он позвонил сам.

Вера смотрела на экран, на знакомые инициалы, и пальцы дрожали так сильно, что она едва смогла провести по стеклу, чтобы ответить. Голос Адриана прозвучал в трубке ровно и холодно, как всегда.

— Вера. Вы игнорируете моего помощника. Это непрофессионально.

— Я работаю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — У меня дедлайн. Я не могу тратить время на светские мероприятия.

— У вас контракт, — напомнил он, и в его тоне не было ни капли тепла. — И по этому контракту вы обязаны присутствовать на всех мероприятиях, которые я укажу. Сегодня в семь. Ужин в ресторане «Турандот». Приеду за вами.

— Я не могу, — начала она, но он перебил.

— Это не просьба, Вера. Это условие. Или вы забыли, что стоит на кону?

Она замолчала. Перед глазами возникло лицо отца — бледное, осунувшееся, с капельницей в вене. Врач в Германии назначил операцию на следующий месяц. Счёт, который она должна была оплатить. Деньги, которые она получит только в конце трёхмесячного срока. Если она сорвётся сейчас, всё рухнет.

— Хорошо, — сказала она тихо. — В семь.

— Умница, — ответил он, и в его голосе мелькнула насмешка. — И наденьте что-нибудь... — он сделал паузу, будто подбирая слово, — ...менее вызывающее. Это деловая встреча. Мой партнёр по инвестициям и его жена. Они консервативны.

Вера хотела сказать что-то резкое, но он уже отключился. Она посмотрела на телефон, чувствуя, как злость снова поднимается в груди. Он обращался с ней как с куклой. Как с вещью. Надевал на неё платья, водил на ужины, целовал,

когда ему вздумается. А она молчала. Потому что у неё не было выбора.

Она надела простое чёрное платье — строгое, элегантное, без вычурности. Собрала волосы в пучок. Нанесла минимум макияжа. Когда она вышла из подъезда и увидела знакомый чёрный «Мерседес», внутри всё сжалось. Адриан ждал внутри. Он даже не вышел, чтобы открыть ей дверь. Вера сама села в машину и захлопнула дверь чуть громче, чем следовало.

— У вас испортилось настроение, — заметил он, не глядя на неё. В его руках был планшет, и он что-то быстро просматривал. — Это плохо. За ужином вы должны быть обаятельной и приветливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.